

rīgas laiks

русское издание

ОСЕНЬ 2015

**ПРИЕЗЖАЙТЕ,
МЫ ЗДЕСЬ
ТАКУЮ
ЭЛИТУ
СОЗОВЕМ**

Марта Нуссбаум

Тыну Сойдла

Эрик Булатов

Михаил Барышников

Александр Пятигорский

LV 4 €, LT, EE 4,80 €
в других странах 10 \$

ISSN 2255-8136

9 772255 813001

На обложке: Сцена из постановки Дмитрия Крымова «В Париже», 2012.
Фото – Марина Баранова

Бродский. Лукка, Тоскана, 1993. Фото Михаила Барышникова

Кэрл. Фото Михаила Барышникова

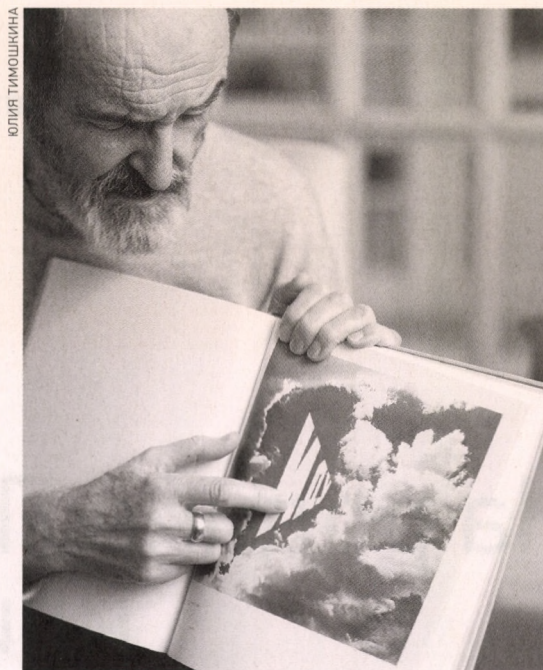
© 1998 by the Board of Trustees of the National Endowment for the Arts

rīgas laiks

русское издание

RĪGAS LAIKS ОСЕНЬ 2015

ПЯТИГОРСКИЙ	
На родине Левиафана, или Что такое политика?	4
<i>Александр Пятигорский</i>	
ПОЛИТИКА	
Венгрия: разворот на 180 градусов	6
<i>Янош Корнай</i>	
СОЦИОЛОГИЯ	
Это очень интересно	18
<i>Беседа с социологом Алексеем Левинсоном</i>	
ФИЛОСОФИЯ	
Между политическим гневом и страхом смерти	30
<i>Беседа с Мартой Нуссбаум</i>	
ТРАНСПЕРСОНАЛИЗМ	
Метафизический мухлежер	40
<i>Беседа с трансперсоналистом Тыну Сойдла</i>	
ЛИТЕРАТУРА	
Воспитание чувств	50
<i>Беседа с литературным критиком и эссеистом Свенном Биркертсом</i>	
Шеймас Хини: заметки о славе и дружбе	56
<i>Свен Биркертс</i>	
ТАНЕЦ	
Будь хорошим, Мышь	64
<i>Беседа с Михаилом Барышниковым</i>	
ПРИРОДА	
Джейн не сдаётся	78
<i>Агнесе Гайле-Ирбе</i>	
ИСКУССТВО	
Посторонний	86
<i>Беседа с художником Эриком Булатовым</i>	
МЕТАФИЗИКА	
Смерть ему к лицу	100
<i>Эрик Пачнер</i>	
КЛАССИКА ЖАНРА	
Чемпион по хорьку-в-штанах	108
<i>Дональд Кац</i>	

ЮЛИЯ ТИМОШИНА

Эрик Булатов

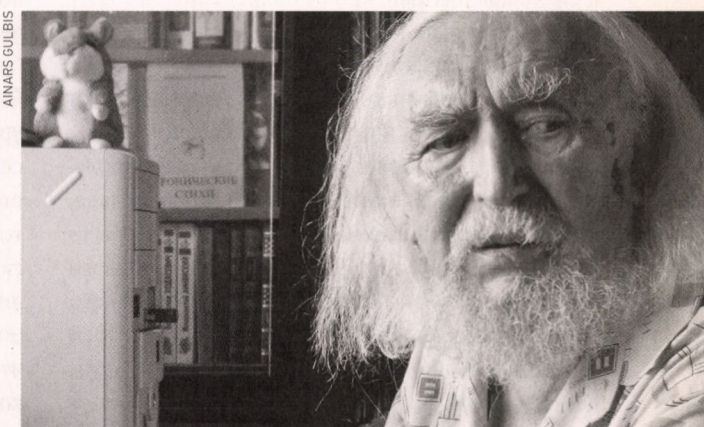
Зачем вообще человек? И я не думаю, что этот вопрос можно поставить вне искусства.

86

Янош Корнай

Начиная с 2010 года в Венгрии началось систематическое разрушение фундаментальных институтов демократии.

6

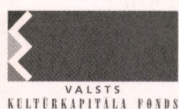
AINARS GULBIS

Тыну Сойдла

Я чувствую в себе обезьяну, которая любит море.

40

Ника Берне и Эрнест Бернис

JELGAVAS
TIPOGRĀFIJA

Издатель: SIA "Rīgas Laiks". Адрес: Zaļā iela 5 – 1, Rīga, LV-1010, телефон +371 67287922, pasts@rigaslaiks.lv

Председатель правления – Арнис Ритупс, +371 29433892, zarnis@latnet.lv

Главный редактор – Улдис Тиرونс, редакторы – Ольга Серебряная, Петр Серебряный, художник – Юрис Петрашневич, макет – Санита Романчук, лит. редактор – Александра Рощина, корректор – Жанна Голубева. Перевод – Ольга Серебряная, Петр Серебряный

Рекламный отдел – Иева Гундаре, телефон +371 26520479, gundare@rigaslaiks.lv

Напечатано в Елгавской типографии (Jelgavas tipogrāfija).

© Rīgas Laiks, 2015 * Все права защищены

Янош Корнай

Венгрия: разворот на 180 градусов

Венгрия – небольшая страна с населением 10 миллионов человек, лишенная каких-либо значительных природных ресурсов. Там нет ни гражданской войны, ни народных восстаний. На территории Венгрии никто не совершает терактов, ни в каких региональных

войнах страна тоже не участвует, и даже немедленное банкротство ей не грозит. Почему же происходящему здесь все же стоит уделять внимание? Только по той причине, что Венгрия – страна, входящая в НАТО и являющаяся членом Евросоюза, – отворачивается от всего,

что было достигнуто в период смены государственного строя в 1989–1990 годах, а именно: от демократии, верховенства права, свободного функционирования гражданского общества, плюрализма в интеллектуальной жизни, и начинается – на глазах у всего мира – открытое наступление на частную собственность и механизмы свободного рынка, причем все это происходит в условиях растущей геополитической напряженности.

УХОД ОТ ДЕМОКРАТИИ, ПРИНЦИПА ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА, ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Рассмотрим следующий набор стран: Албания, Босния-Герцеговина, Болгария, Чехия, Эстония, Хорватия, Польша, Латвия, Литва, Македония, Венгрия, Румыния, Сербия, Словакия и Словения. Все эти страны, ныне независимые, в 1989–1990 годах пережили радикальные перемены. До этого времени они существовали либо как независимые государства, либо в составе социалистических государств, руководящая и направляющая роль в которых принадлежала компартии. Каждая из этих стран по-разному и в своем темпе переживала процесс трансформации. Тем не менее при всей вариативности до 2010 года все эти страны двигались в одном и том же *общем направлении*: к рыночной экономике, основанной на верховенстве права и принципе частной собственности.

Венгрия стала первой и пока единственной страной из этих пятнадцати, которая совершила поворот на 180 градусов и начала решительное движение в противоположном направлении. В 2010 году подавляющее большинство на выборах получила партия Фидес – Венгерский гражданский союз в коалиции с Христианско-демократической народной партией. Коалицию возглавлял Виктор Орбан. Это стало началом поворота.

К 2010 году фундаментальные институты *демократии* в Венгрии можно было считать установившимися, с началом поворота началось их систематическое разрушение. В значительной мере оно уже завершено.

На практике уже не существует разделения исполнительной и законодательной власти, поскольку и та, и другая находятся под строгим и деятельным контролем политического лидера, взобравшегося на самую вершину власти, – Виктора Orbana. Никакой содержательной подготовительной работы над законопроектами не ведется ни внутри парламента, ни за его стенами. Сам парламент превратился в фабрику законов, причем время от времени конвейер

работает с невероятной скоростью: в период между 2010 и 2014 годами было принято не менее 88 законов, и в каждом случае на их рассмотрение уходило не больше недели; в тринадцати случаях законопроекты принимались в тот же день, что были внесены, либо на следующий. Пресекались все без исключения попытки расследовать причины свежих скандалов, которые в нормальных условиях привели бы к объективному парламентскому расследованию при деятельном участии оппозиции. «Надежные» люди, непосредственно связанные с властью, занимают руководящие должности даже в тех организациях, которые по закону выведены из-под контроля исполнительной власти и в реальных демократиях выполняют роль противовеса, обеспечивающего контроль за исполнительной и законодательной ветвями власти: в конституционном суде, государственной счетной палате, казначействе, антимонопольной службе, канцелярии уполномоченного по правам человека и в центральном статистическом управлении.

К 2010 году в Венгрии были созданы все базовые институты, обеспечивающие верховенство права; после поворота все они были либо упразднены, либо значительно ослаблены. Новый венгерский основной закон, заменивший конституцию, принята на многопартийной основе в 1989 году, создавался узким кругом членов партии Фидес и был принят без какого-либо публичного обсуждения. Все протесты попросту игнорировались, и документ протащили через не работавшие уже к тому времени фильтры законодательной фабрики за рекордно короткий срок. Текст новой конституции изобилует недостатками, на которые сразу же указывали (впрочем, тщетно) местные и зарубежные эксперты. Конституция содержала столько положений, служащих сиюминутным нуждам власть имущих, что документ, официально именуемый «Основной закон», приходилось изменять уже пять раз. В 2011–2013 годах он был дополнен принятием тридцати двух «краеугольных законов», которые будущие составы парламента смогут менять лишь двумя третями голосов. Эти законы регулируют самые важные аспекты жизни страны.

Один из фундаментальных принципов верховенства права состоит в том, что перед законом все равны, даже те, в чьих руках сосредоточена власть. Закон следует уважать. В Венгрии ситуация переменялась: находящиеся у власти люди получили возможность быстро и без всяких проволочек возводить в статус правового акта любое решение. Они принимают законы, имеющие обратное действие, невзирая на то, что принцип, запрещающий такие манипуляции, восходит к римскому праву. Как только у них появляется желание поставить в привилегированное положение какого-то конкретного человека или

организацию, они жульническим образом проводят законы, по факту обеспечивающие фаворитизм.

Начиная разговор о судебной ветви власти, следует иметь в виду, что прокуратура является в Венгрии единой централизованной структурой. В теории она действует независимо от остальных органов власти. На деле, и это крайне важно, генерального прокурора выбирает человек, в чьих руках сосредоточена вся верховная власть, после чего следует чисто формальная процедура одобрения кандидатуры парламентом, который далее уже не имеет возможности контролировать деятельность этого прокурора. За редким и незначительным исключением, ни одно расследование общественных скандалов или случаев коррупции, затрагивающих близких к правящей партии лиц, не продвинулось дальше следственных действий или прокурорских проверок. С другой стороны, генпрокуратура не упустила ни одного экономического или коррупционного скандала, фигурантами которых были лица, связанные с оппозиционными партиями. В данном случае организовывались эффективные театральные аресты на камеры, и эти камеры всегда оказывались на месте. Компрометирующие факты часто просачиваются в прессу задолго до окончания расследования. Прикладывались все возможные усилия, чтобы довести эти дела до суда, хотя верно и то, что слишком часто прокуратуре приходилось снимать обвинения за отсутствием доказательств; в ряде случаев оправдательные решения принимал суд. Нельзя не заметить, что утечки информации в прессу, предъявление обвинений или судебные слушания чаще всего оказываются приуроченными к какому-то политическому событию: бомба, уничтожающая репутацию соперника, всегда взрывается непосредственно перед выборами.

Перед нами – явная попытка захвата судов правящей политической группой. Председатель Верховного суда, назначенный до 2010 года, был отправлен в отставку до истечения срока полномочий. Возникло новое учреждение – Национальное судебное управление, которому с самого начала были предоставлены исключительно широкие полномочия: оно не только назначает судей, но и решает, в каком суде будет слушаться то или иное дело. Через некоторое время – после протестов в стране и за рубежом – полномочия Судебного управления были урезаны, однако его влияние остается значительным. Заметно снизился пенсионный возраст для судей – с 70 до 62 лет (это ниже среднего возраста выхода на пенсию), в результате чего судебная система избавилась от людей старшего поколения. Эта реформа затронула несколько высокопоставленных судей, получивших назначение еще до прихода к власти нынешней правящей группировки, и хотя эта

мера была впоследствии аннулирована решением соответствующего международного суда и люди получили как минимум моральную компенсацию, большинство из них не смогли вернуться к работе на прежних постах.

К 2010 году господствующей формой собственности стала *частная, а не государственная*. Однако после разворота участились нападки – идеологические, экономические и судебные – на частную собственность; вес и влияние государства вновь стали расти. Осуществленная посредством уникальных мошеннических схем национализация частных пенсионных фондов, куда поступали обязательные отчисления граждан, нанесла тяжелый удар по принципу уважения к частной собственности. Ссудо-сберегательный сектор постигла похожая судьба – он был косвенным образом национализирован. Госсектор значительно укрепил свои позиции в банковской сфере, энергетике, гражданском строительстве, в области транспорта, в сфере медиа и рекламы. Насильственные меры или скрытая конфискация в этих областях почти не использовались – собственность просто выкупалась у владельцев. Во многих случаях прежних владельцев намеренно ставили в ситуации, единственным выходом из которых была продажа всех активов государству, причем по ценам значительно ниже рыночных.

До 2010 года растущую роль в координации экономической деятельности играли *механизмы децентрализации*. После поворота значительно более заметной стала обратная тенденция. Прежде всего это касается сферы госуправления. Одним из главных достижений смены режима было существенное расширение полномочий местного самоуправления. Самый очевидный признак регресса – школы и больницы, которые больше не находятся в ведении местных властей, а управляются специальными бюро центрального правительства. Возникновение уродливого бюрократического гиганта, в недрах которого через головы учителей, родителей и местных властей принимаются учебные программы, а также решаются кадровые и финансовые вопросы, не имеет прецедентов в мировом масштабе.

Одержимость централизацией вкупе с уже упомянутой тенденцией к национализации затрагивает практически все сферы общества: все больше и больше вопросов решаются на самом высоком уровне. Возникла и укрепилась пирамида власти, на вершине которой находится верховный лидер. Непосредственно под ним стоит группа тщательно отобранных приспешников, безоговорочно преданных лидеру и готовых исполнять любые его распоряжения. Двигаясь вдоль этой пирамиды вниз, мы на каждой ступени будем обнаруживать очередную группу преданных: позиции внутри этой структуры распределяются по принципу лояльности

режиму. Распоряжения, беспрекословное исполнение которых считается само собой разумеющимся, намертво связывают нижестоящих в этой иерархии с вышестоящими. Не зависящим от вышестоящего оказывается исключительно верховный лидер, и лишь низший слой чиновничества не отдает приказы подчиненным. Все остальные внутри этой пирамиды являются одновременно рабами и господами. Они непосредственно заинтересованы в том, чтобы не выпасть из этой структуры и продолжать постепенное движение вверх. Вопрос о том, кто займет ту или иную должность, решается не на выборах – должность достается тому, кто сумел завоевать доверие вышестоящего лица услужливостью, лестью или как минимум беспрекословным подчинением. Сотни тысяч государственных служащих, в число которых входят и сотрудники государственных образовательных и медицинских учреждений, чувствуют себя абсолютно беззащитными: из страха потерять работу возмущаться и протестовать осмеливаются единицы. Режим крепко стоит на ногах – отчасти и потому, что он всегда может рассчитывать на страх, который испытывает зависимое от него большинство, а также на особенности местного менталитета с его принципом «сиди тихо и не высовывайся».

Еще одним проявлением разворота стали методичные притеснения гражданского общества. Законопроекты пишутся без консультаций с профсоюзами и другими заинтересованными организациями. Даже если заинтересованным лицам удастся выразить свою точку зрения посредством деклараций или демонстраций, их мнение все равно не учитывается. Широкою известность получил гневный протест, высказанный правительством Норвегии в ответ на попытку венгерского руководства вмешаться в разработанную норвежцами программу помощи венгерскому гражданскому обществу.

ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И РЫНКА: ПЕРЕКОШЕННЫЙ СИМБИОЗ

При описании механизмов координации экономической деятельности метафора разворота на 180 градусов оказывается неверной: точнее было назвать происходящее *полуоборотом*. В течение первых двух десятилетий после смены режима в Венгрии господствовали *рыночные механизмы*, и господство это сохранилось и после 2010 года. Государство и рынок, как и раньше, продолжают сосуществовать в некоем симбиозе. Проблема лишь в том, что это неизбежное сосуществование и взаимодействие между государством и рынком подверглось серьезной деформации: теперь его условия определяются

исходя из политических интересов. Режиму Виктора Орбана удалось добиться того, что государство теперь гораздо агрессивнее вторгается в экономику, предпринимая куда больше попыток управлять ею. Это делается самыми разными способами.

Речь не идет о захвате власти, предпринятом узким кругом олигархов с целью проведения благоприятной для них экономической политики. Процесс развивается в обратном направлении. Теперь Орбан и его приближенные, находящиеся на вершине политической пирамиды, решают, кто станет олигархом или кому из уже наличествующих будет разрешено сохранить свой статус и как далеко будет простирается сфера его влияния. Нечто подобное имеет место и на низовом уровне. Естественный отбор, осуществляемый механизмами рыночной конкуренции, подменяется политическими соображениями. «Важно, чтобы наши люди получили тендер на поставки товаров, разрешение на открытие табачной лавки или казино, право аренды принадлежащих государству земельных угодий». Торговля табачными изделиями, игорный бизнес и земельная аренда осуществляются на капиталистических принципах, однако отношения между политиками или бюрократами и предпринимателями-капиталистами заражены кумовством, превращены в своего рода вассальную зависимость.

В разговорном венгерском появился новый термин *Fidesz-közeli cég* – «компания, близкая к Фидес». Эти компании не принадлежат к партии, однако их единственный или главный собственник обязательно входит в ближайшее окружение политического руководства страны. Сращивание бизнеса и политики – феномен глобальный, и в любой точке земного шара оно создает благоприятную почву для коррупции. В Венгрии эта проблема осложняется общественной средой, созданной описанным выше разворотом на 180 градусов: организации, призванные от имени государства отслеживать случаи сращения бизнеса, политики и госаппарата и бороться с коррупцией, не являются независимыми – они низведены до статуса винтиков общего государственного механизма. Коррупцированный политик или бюрократ знает, что могущественные друзья во власти всегда его защитят, тогда как люди, привлекающие внимание общества к проблемам коррупции, всегда рискуют личной безопасностью и благосостоянием. Общественные активисты не имеют достаточной защиты, часто подвергаются гонениям и становятся жертвами целенаправленного очернительства.

Виктор Орбан и его экономические советники уверяют, что потребности государства в увеличении доходов будут удовлетворяться без создания дополнительного бремени для налогоплательщиков, что никаких «мер суровой экономии»

вводиться не будет. Новые налоги будут, мол, выплачиваться из доходов компаний. В итоге целые отрасли – в том числе банковский сектор, телекоммуникации, страховой бизнес и энергетика – были помимо обычных налогов обложены дополнительным сверхналогом, что обернулось стагнацией или значительным замедлением роста инвестиций частных компаний, финансируемых из их прибыли. Притом что от компаний то и дело требуют выкупа, объем индивидуальных налогов, рассчитываемых из дивидендов, значительно снизился. Одной из первых мер, одобренных правительством Фидес, было упразднение прогрессивной шкалы налогообложения для личных доходов – ее заменила единая 16-процентная ставка, в то время как налог на добавленную стоимость поднялся до беспрецедентных 27 процентов. Прекрасно известно, что применительно к доходам отдельной семьи такая шкала налогообложения оказывается более обременительной для людей малообеспеченных: зарабатывающие больше оказываются в привилегированном положении. В качестве огромного достижения правительственная пропаганда называет снижение расходов на услуги ЖКХ, достигнутое посредством ограничения максимальной стоимости услуг. В реальности, однако, максимальную выгоду из этой политики извлекают люди состоятельные, потому что чем больше квартира, чем больше электричества, газа и воды она использует, чем больше она производит мусора, тем больше экономят ее хозяева. Последствия искусственного сдерживания цен памятны еще со времен социализма. Компании терпят убытки, расплачиваться за которые в итоге приходится налогоплательщикам.

Ограничения ценообразования – важная черта феномена, который мы обсуждаем: государство в существенной степени опирается на частный сектор, используя наряду с другими средствами административные микроинтервенции, избыточное регулирование и изолированные механизмы контроля. Любой экономист, знакомый с теорией рыночного фиаско, знает, что грамотное регулирование и целенаправленные интервенции могут справиться с множеством проблем, вызванных неконтролируемыми рыночными механизмами. Эта теория, однако, предполагает, что государство действует в интересах общества и что регулирование осуществляется профессионально и непредвзято. Что происходит, когда рычаги регулирования оказываются в руках людей некомпетентных и коррумпированных? Что происходит, когда в экономику вторгается государство, руководители которого используют механизмы государственного управления ради сохранения собственной власти? Подобные интервенции происходят настолько часто и столь глубоко затрагивают координационные процессы экономики, что и в этой

сфере рано или поздно полуоборот обернется разворотом на 180 градусов. Происходящее в Венгрии должно стать предостережением для тех, кто настаивает на безоговорочном увеличении роли государства, на расширении или усилении регулирующих механизмов, не уделяя достаточного внимания сопряженным с этим опасностям.

Восстановление экономики после депрессии затягивается, частный сектор не создает достаточного количества рабочих мест. Исправить положение призван институт «общественных работ», однако он создает низкооплачиваемые рабочие места (31–33% от средней заработной платы) с унижительными условиями труда; занятые на общественных работах, таким образом, не выходят на рынок труда, а, напротив, лишаются возможности искать нормальную работу и консервируются в этих недостойных человека условиях. Бедность и социальная маргинализация растут угрожающими темпами. Просвещенные общества никогда не смирились бы с имеющей место в Венгрии стигматизацией беднейших слоев населения или с методами изгнания бездомных из городов на основании мэрских указов. Попытки определения экономической политики венгерского правительства как «левой» или «правой» лишены всякого смысла. Не может быть и речи о том, что правительство намеренно возрождает социализм, хотя некоторые феномены удивительно близки к практикам социалистической эпохи. Режим Орбана не только совместим с капитализмом – все без исключения члены властной пирамиды прекрасно умеют пользоваться возможностями капитализма ради извлечения личной выгоды. Все наступления на банки или другие секторы экономики заканчиваются заключением специальной сделки или подписанием «стратегических соглашений» перед телекамерами. «Разделяй и властвуй!» Разделение между левыми и правыми здесь не работает – плодотворным оказывается различие совсем иного рода: что выгоднее для сохранения существующей структуры власти, системы централизации, что соответствует интересам верхних слоев властной пирамиды – в том числе их финансовым интересам. Стоит задать этот вопрос, как все встает на свои места, и нам становится понятно, с какой целью учредили новую институцию или зачем был принят конкретный закон.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ОШИБКИ И СЛУЧАИ НЕДОПОНИМАНИЯ

Интеллектуалы, журналисты, экономисты и политические аналитики, переживающие за Венгрию и следящие за ее судьбой из-за границы, часто оказываются в плену ложных представлений о

происходящем. Одной из самых распространенных ошибок является переоценка действенности венгерских законов. В какой-то момент правительство Фидес приняло закон, не обеспечивавший полную независимость Центрального банка. В ответ не только медиа, но и компетентные международные организации использовали все доступные им рычаги давления для изменения этого закона. Закон в итоге скорректировали. У тех, кто этого требовал, сложилось ощущение успеха. Будапештские пропагандисты использовали этот случай, чтобы подчеркнуть гибкость венгерского правительства и его готовность к компромиссам. В реальности все эти манипуляции с законом ничего не изменили. Министр экономики Дёрдь Матолчи, которого премьер-министр публично называет своей «правой рукой», подал в отставку со своего поста, вышел из здания министерства, прошел несколько сотен метров и зашел в здание Центрального банка в качестве его нового, в теории независимого, главы. Все без исключения члены высшего органа управления Центрального банка, Валютного совета, были тщательно отобраны верховным лидером и его советниками; все они являются лояльными винтиками единого механизма власти.

В соответствии с законом процесс назначения на государственную должность определяется набором на первый взгляд нейтральных правил. Скажем, на какую-то позицию премьер-министр номинирует своего кандидата, соответствующий парламентский комитет рассматривает кандидатуру и высказывает свое мнение, после чего президент республики производит назначение. При назначении на какую-то другую должность парламент не только высказывает мнение, но и производит само назначение. Имеет ли это хоть какое-то значение в реальности? Парламентский комитет, парламентское большинство и даже президент республики – всего лишь шестеренки того же механизма власти.

Еще один важный пример – это то, как режим подавляет прессу, телевидение, радио и другие средства телекоммуникации. Компетентные органы Евросоюза и международная пресса долго обсуждали, не наделяет ли закон назначаемую центральной властью комиссию по надзору за СМИ чрезмерными полномочиями. В конечном счете некоторые положения закона о прессе были изменены. Критики рассматривали это как победу. Виктор Орбан и его коллеги прекрасно знали, что никакого значения это не имеет. Значение имеет только то, что им удалось поставить своих людей во главе всех телеканалов и радиостанций, которые находятся в собственности государства, контролируются государством и финансируются из государственных средств. Следующим шагом новоназначенные руководители произвели чистки

в редакциях и превратили все подведомственные им медиа в рупор правительственной пропаганды. Близкие к правительству или партии Фидес предприниматели захватили все бесплатные газеты, популярные рекламные издания и прочую местную медиапродукцию. Государственные СМИ обязаны использовать материалы, которые предоставляет полностью контролируемое государством новостное агентство. Частные медиа не обязаны этого делать, однако новое государственное агентство информации предоставляет собственные материалы бесплатно, тогда как подписка на новостные ленты международных агентств и дайджесты международной прессы стоит недешево. Стоит ли удивляться, что и частные медиа пользуются почти исключительно бесплатными материалами. Всеобщее распространение приобретает самоцензура, хорошо знакомая всем еще с коммунистических времен.

Тем не менее независимые газеты, телеканалы и радиостанции, выступающие с критикой правительства, существуют. Это крайне важно отметить, чтобы дать объективное описание текущей ситуации в Венгрии. Однако деятельность этих медиа сталкивается с многочисленными трудностями – в частности, при распределении частот вещания и выдаче лицензий. Основной источник дохода этих медиа – реклама, однако государственные предприятия и частные компании, заинтересованные в поддержании дружеских отношений с политическим руководством страны, воздерживаются от рекламы в оппозиционной прессе. Обусловленный политическими факторами перекос на рекламном рынке усугубляется дискриминирующим налогом на рекламу, который взимается поверх уже существующего корпоративного налога.

Усилиям властей, направленным на подчинение себе всех учреждений, формирующих общественное мнение, серьезно мешает информационная революция. В свое время Сталину удалось окружить свою державу почти что непроницаемым информационным барьером – сейчас сделать это невозможно: компьютеры, планшеты и смартфоны связывают отдельного человека со всем миром, сотни тысяч людей имеют возможность высказать свое мнение и организовать с помощью социальных сетей. Правительству Фидес очень хочется воспрепятствовать и этому. Не так давно оно предложило налог на интернет, в соответствии с которым каждый гигабайт данных должен был облагаться налогом в 150 форинтов (около 55 американских центов). В считанные дни активистам удалось организовать несколько массовых демонстраций – фотографии протестов обошли все международные издания. Виктору Орбану пришлось частично уступить: сейчас, когда я пишу эти строки, все еще неясно, отвергнут ли этот законопроект в принципе или

лишь отложат на какое-то время. Как бы то ни было, образ десятков тысяч демонстрантов, поднимающих вверх свои мобильные телефоны, приобрел символический вес. Свет, источаемый крошечными экранами, похоже, разогнал тучи, сгущавшиеся над интернетом; возвести непреодолимые барьеры для свободного обмена информацией сегодня трудно любому режиму.

Еще одна частая ошибка интеллектуалов: кое-какие из недавно учрежденных в Венгрии институций или введенных в последнее время процедур кажутся идентичными или очень похожими на соответствующие институции или процедуры, давно существующие в западных демократиях, но только на первый взгляд. Венгерская судебная система подверглась значительным изменениям. Ну и что? В конце концов, даже после этих изменений она ничем особенным не отличается от судебных систем других европейских стран. Раньше табачной торговлей занимались мелкие конкурировавшие друг с другом предприятия. Теперь продажа табака может осуществляться только при наличии государственной лицензии. Ну и что? В конце концов, в Швеции действует едва ли не более строгая государственная монополия на торговлю алкогольными напитками.

Со стороны все это кажется мозаикой, составленной частично из чисто венгерских вещей, а частично из приемов и правил, позаимствованных у зарубежных демократий. Тем не менее, если взглянуть на эту мозаику как на некоторую целостность, начинают проступать контуры орбановской Венгрии. Чтобы представить себе отношения части и целого, лучше отойти от статичного образа мозаики. Мы пытаемся понять не какое-то установившееся состояние, а динамику текущего процесса. Нас занимает общее направление, в котором меняются все эти мельчайшие частички государственного механизма с 2010 года. Каждую перемену, имевшую место с этого момента, мы, наблюдатели, должны рассмотреть именно с точки зрения ее направленности. Тысячи (и это не преувеличение) никак не связанных между собой изменений, направленных в одну сторону, создают новую, хорошо отлаженную систему, существенные свойства которой нельзя изменить частичными реформами.

Следующая ошибка в понимании происходящего состоит в неверной оценке легитимности орбановского режима. «Пусть происходящее в Венгрии мне и не нравится, это, похоже, то, к чему стремится венгерский народ». Это мнение в дальнейшем подкрепляется государственной пропагандой, не устающей повторять, что режим получил две трети мест в двух парламентах подряд; никакое другое правительство в Европе не пользуется такой поддержкой населения. Однако давайте присмотримся к фактам.

На последних выборах только каждый четвертый избиратель выразил желание, чтобы Виктор Орбан и его партия оставались у власти. Все остальные либо голосовали за другую политическую партию, либо выразили свою усталость и разочарованность в политике, воздержавшись от голосования. Вполне возможно, что часть из тех, кто не пришел на избирательные участки, хотели показать, что считают режим отвратительным, однако не верят, что их голос способен что-либо изменить. Политическая легитимность не является двоичной переменной (правительство не может быть просто легитимным или просто нелегитимным), и в соответствии с непрерывной шкалой легитимности поддержку венгерского правительства следует оценивать как низкую. Сама избирательная система, введенная после смены государственного строя, благоприятствует созданию значительной разницы между реальной политической поддержкой и распределением мест в парламенте¹. Эта разница еще больше увеличилась, поскольку после выборов 2010 года избирательное законодательство подверглось многократным модификациям. Притом что Фидес потерял более полумиллиона голосов и доля проголосовавших за эту партию от общего числа избирателей упала с одной трети до четверти, режиму – посредством разнообразных уловок и махинаций – удалось сохранить критический минимум в две трети, необходимый для беспрепятственного проведения через парламент любых законов.

На выборах 2010 года Фидес получил надежные две трети мест, необходимые для изменения конституции и принятия законов исключительной важности. На выборах 2014 года партия без труда получила простое большинство, позволяющее без проблем принимать законы меньшей важности, однако большинство в две трети обеспечивалось одним-единственным местом. Когда я дописывал эту статью, Фидес лишился конституционного большинства: один из членов парламента от партии Фидес получил другое назначение, на освободившееся место объявили довыборы, и на них победил независимый кандидат, поддержанный оппозицией.

Имеет смысл обращать внимание не только на то, как меняется распределение мест в парламенте, но и на динамику общественного мнения. По данным ежемесячных опросов, в конце 2014 и в начале 2015 года Фидес лишился нескольких сот тысяч потенциальных избирателей. Все это ставит под вопрос истинность приведенного

1) Около половины мест распределяются между партиями прямо пропорционально числу голосов. Другая половина распределяется в каждом избирательном округе по принципу «победитель получает все» или, если выражаться в терминах британской избирательной системы, все голоса достаются «первому, кто считается избранным». Это гарантирует большое количество мест партии, имеющей незначительное преимущество перед соперниками в нескольких округах.

выше положения о том, что Орбан – «это, похоже, то, к чему стремится венгерский народ».

Я полагаю, что при Орбана Венгрия перешла из группы демократических государств в группу автократий. Я намеренно не использую здесь будущего времени: речь не идет об опасности превращения страны в автократию. Это превращение уже состоялось.

Считать Орбана диктатором – значит не понимать природы сложившейся в Венгрии ситуации. Нынешняя Венгрия имеет многопартийную систему, оппозиционные партии действуют в стране на законных основаниях, существует оппозиционная пресса. Политические оппоненты не подвергаются массовым арестам, их не пытаются физически уничтожить. Что такое реальная диктатура, нам слишком хорошо известно; в свое время мы ее пережили – сейчас мы переживаем нечто иное. Тем не менее Орбана нельзя назвать демократическим лидером; было бы грубой ошибкой считать, что несмотря на то, что время от времени он поступает демократическими принципами, в конечном счете он все равно остается демократом. Неправильно думать, что Орбан копирует Путина. Автократии строятся на разных исторических традициях, возникают в разных внутривластных и международных ситуациях, личности и устремления верховных лидеров автократий тоже сильно разнятся. Орбан никому не подражает, он личность самостоятельная. Что, впрочем, не меняет того факта, что путинский и орбановский режимы принадлежат к одному и тому же классу автократий.

Венгрия – первая из постсоветских демократий, превратившаяся в автократию, и нет никакой гарантии, что она останется единственной. Баланс власти в других странах тоже может измениться. Существуют политики, видящие в Орбана образец для подражания; есть реальная опасность, что зараза, ведущая к утрате демократического правления и уходу от принципа верховенства права, будет распространяться и дальше.

УГРОЗЫ НАЦИОНАЛИЗМА И «ТАНЕЦ ПАВЛИНА»

Одним из источников поддержки Виктора Орбана является то, что многие рассматривают его как стойкого защитника венгерского национального суверенитета, независимости Венгрии. Однако если мы действительно хотим разобраться в венгерской ситуации, надо понять, что от этой проблемы не отделаться, просто обозвав Орбана националистом.

Смена государственного строя в Венгрии не только положила начало внутреннему обновлению – она совпала с восстановлением венгерского суверенитета. Первым лозунгом обновления стали

слова «Russians go home!», за ними последовало счастливое расставание с Востоком и долгожданный поворот к Западу. Торговые связи с Западом становились все более важными. В страну пришли зарубежные инвестиции. В 1999 году Венгрия вступила в НАТО, в 2004 году стала членом Евросоюза. Вопрос о членстве в обоих союзах решался на референдумах, и в ходе кампаний, предшествовавших голосованию, все парламентские партии, включая Фидес, агитировали своих сторонников голосовать за вступление. Несмотря на то что звучали и противоположные призывы, само *направление* перемен во внешней политике в течение двадцати лет оставалось ясным. Венгрия должна стать неотъемлемой частью Европы: она должна однозначно принадлежать к западному миру; следует и дальше укреплять ее политические, экономические и культурные связи с Западом.

2010 год был отмечен странным разворотом и в этой области: на место ясности пришла двусмысленность. Поначалу это проявлялось главным образом в риторике официальных заявлений. Ведущие политики начали сокрушаться в своих речах по поводу кризиса глобального капитализма и западной цивилизации. Лидеры Фидес всю пользовались антиамериканскими и антиевропейскими настроениями; порой дело доходило даже до того, что поступающие из Брюсселя директивы сравнивали с распоряжениями Москвы, отправлявшимися в Будапешт до 1989 года. Но если вчера где-то шла речь о бессилии Запада и огромных благах, которые следует ожидать от Востока, то на следующий день разговор принимал прямо противоположный оборот. Орбан гордится своим двуличием и считает его признаком собственной политической проницательности². Содержание и тон его речей меняются в зависимости от того, к кому они обращены: к собранию правоверных партийцев или к бизнесменам, собравшимся на конференции где-нибудь в Мюнхене или Вене³. Вряд ли стоит удивляться,

2) В 2012 году Виктор Орбан выступил с таким заявлением: «Международная дипломатия – своего рода танец с обязательной последовательностью шагов. Если хочешь казаться дружелюбным, этот танец, танец павлина [...] приходится исполнять. Это, скажем так, упражнения в искусстве дипломатии. Поэтому мы принимаем три-четыре из каждых семи предложений, еще два или три из тех, что мы уже и так приняли, а они не заметили, а из оставшихся отвергаем те два, которые нам принимать не хочется, сопровождая свой отказ словами "да ладно, все остальные-то мы уже приняли". Это сложная игра, и если вы не настаиваете, я бы не стал развлекать вас красотой ее деталей».

3) Показательным исполнением танца павлина можно считать двойственность, с которой Фидес и венгерское правительство относятся к евреям. Правительство неоднократно подчеркивало, что не допустит никаких проявлений антисемитизма и, если возникнет необходимость, сделает все для защиты своих еврейских граждан от любых нападков. В то же время целый ряд правительственных шагов глубоко оскорбителен для памяти венгерских евреев. Сюда относится воспроизведение в самых разных формах ложного положения о том, что депортация сотен

что в недоумении пребывают как верные последователи Орбана, так и его оппоненты, как венгерские, так и зарубежные наблюдатели.

В мире внешней политики и дипломатии огромный вес имеют официальные и полуофициальные заявления. Венгрия остается членом НАТО и Европейского союза; ни малейшего намерения выйти из этих союзов никем до сих пор не высказывалось. Венгерское правительство с радостью принимает от ЕС щедрую финансовую помощь; единственное, на чем оно настаивает, – это на полном контроле за ее распределением⁴. В то же время представители правящей партии то и дело поддерживают разнообразные декларации евроскептиков.

Венгерские дипломаты предпринимают решительные (хоть и малоуспешные) попытки установить деловые отношения с азиатскими автократиями и диктатурами – от Азербайджана, Казахстана, Узбекистана и Арабских Эмиратов до Вьетнама и Китая, не упуская случая подчеркнуть, что другие страны делают то же самое. Речь, мол, идет исключительно о деловых связях; защита демократии и прав человека – совершенно другой вопрос. Тем не менее время от времени им удается «подняться над предрассудками»: не так давно в ходе официального визита азербайджанского диктатора в Будапешт Орбан назвал Азербайджан «образцовым государством».

По вполне понятным причинам многие государства проявляют острый интерес к российско-венгерским отношениям. Как уже было отмечено, нынешние венгерский и российский режимы имеют некоторые общие черты – оба они принадлежат к одному и тому же типу автократий. Однако здесь мы оставим эти сходные черты без рассмотрения и сосредоточимся на экономических и внешнеполитических связях между крошечной Венгрией и громадной Россией. Как долго – в рамках этих отношений – Венгрия сможет отстаивать свой суверенитет? Сколь велика ее нынешняя приверженность к России как партнеру и какой она станет в будущем? В связи с чем неизбежно возникает дополнительный вопрос: какую опасность представляют эти нынешние тенденции для членства Венгрии в Европейском союзе, НАТО и для ее принадлежности к западному миру?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам, к примеру, следовало бы знать больше об условиях, на которых венгерское и российское правительства заключили в январе 2014 года соглашение о строительстве новой очереди на крупнейшей в

тысяч венгерских евреев насильственно осуществляли нацисты, тогда как на самом деле в нее был активно вовлечен весь хорватский госаппарат.

4) Эффектные новые проекты, о запуске которых с помпой объявляют политические лидеры, по большей части финансируются Евросоюзом или международными корпорациями.

стране электростанции – АЭС в Пакше. Не могу судить, насколько оправданным является решение о масштабной реконструкции этой АЭС, и если оно таковым является, было ли выдвинутое Россией предложение наиболее выгодным из всех имеющихся альтернатив в техническом, финансовом и геополитическом смысле? Широкое неприятие в Венгрии и за рубежом по праву вызвало не содержание соглашения, а то, как оно было принято. Этому событию не предшествовало публичное экспертное обсуждение; относящиеся к нему правительственные предложения были продавлены через законотворческий конвейер без лишнего шума. Решение по важнейшему вопросу, который скажется на жизни нескольких будущих поколений, на европейском будущем страны, ее внешней политике и обязательствах перед союзниками, было принято тайно. Правительство поставило народ перед свершившимся фактом⁵.

Когда речь заходит об отношениях между Венгрией и другими странами, не следует упускать из виду вопрос о том, что могут ожидать от своих зарубежных друзей те венгерские граждане, которых тревожит полный отказ страны от прежнего курса и терзают страхи по поводу дальнейшей судьбы демократии, принципа верховенства закона и положения с правами человека. Каждое новое посягательство на эти принципы часто сопровождается восклицаниями типа «Запад не будет с этим мириться!». Боюсь, что в данном случае люди питают напрасные надежды. Процесс понимания мучительно долг; на то, чтобы усвоить, что в Венгрии что-то пошло не так, у зарубежных наблюдателей уйдут годы, еще больше времени им потребуется на то, чтобы поставить отдельные элементы происходящего в правильный контекст. Причем понимание – это только начало; каким образом за осознанием проблемы последуют какие-либо действия? Международные организации никогда ранее не сталкивались с подобной задачей; они не знают, как заставить союзное государство подчиняться демократическим правилам. Средств в их распоряжении не так много. Европейский союз не готов к ситуации, в которой одно из государств-членов последовательно выступает против принятой в этом сообществе системы ценностей и нарушает его формальные и неформальные нормы⁶. Кроме того, не стоит

5) Ситуация с электростанцией Пакш – не единственный случай, в связи с которым возникала эта проблема. Правительство крайне часто и без должных на то оснований засекречивало те или иные процедуры и не раз значительно продлевало срок секретности, закрывая таким образом всякие возможности для публичного обсуждения и фактически отназываясь от принципа прозрачности государственной политики.

6) В докладе Тавареша, подготовленном по заказу Европейского парламента, отмечается, что «реформы», проводимые в Венгрии с 2010 года, идут вразрез с общими для Евросоюза фундаментальными

забывать, что Венгрия – всего лишь крохотная точка на карте мира; политические силы приходят в движение под влиянием самых разных конфликтующих между собой проблем. Основные политические игроки зависят от интересов отдельных стран, политических групп, общественных и профессиональных объединений, и все эти векторы силы разнонаправлены. Путем мирных переговоров порой не удается разрешить даже более опасные ситуации, чем та, в которой оказалась Венгрия.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СФЕРА

С падением прежнего государственного строя на смену господству «официальной идеологии» пришел *плюрализм* в идеологической сфере. Но и здесь мы видим разворот на 180 градусов. Теперь государство снова пытается ограничить и дискредитировать принцип плюрализма. Его цель – навязать обществу теории, верования и поведенческие нормы, являющиеся составной частью собственной догматики нынешнего режима.

Во-первых, правительство активно создает институты, способствующие проведению в жизнь воли центра. Людям творческим плюрализм и разнообразие жизненно необходимы. Соответственно, в свободных обществах действует множество творческих ассоциаций и союзов, школ и художественных групп, которые могут конкурировать друг с другом или даже вступать в открытые столкновения. Режим, пришедший к власти в 2010 году, из всего многообразия художественного мира выбрал одну-единственную небольшую группу и наделил ее полномочиями, масштабы которых человек западный просто не способен представить. Главной организацией оказалась Венгерская академия художеств. Остальные союзы и группы продолжают существовать, однако название этой привилегированной художественной институции фигурирует даже в конституции. Она получила в свое распоряжение один из самых прекрасных особняков в Будапеште, и именно ей доверили распределение почти всех правительственных грантов в сфере культуры, а также большинства премий и наград, обладание которыми сопряжено с материальными выгодами.

В науке ситуация сходная. До разворота значительное влияние на распределение государственного финансирования научных исследований

принципами и ценностями, особенно в том, что касается базовых требований демократии, принципа верховенства права и разделения властей – притом что в соответствии с договором ЕС следование этим принципам является обязанностью всех стран-членов. Доклад Тавареша привлек внимание к проблеме, однако не стал основанием для принятия каких-либо действенных мер со стороны Евросоюза.

имела Венгерская академия наук; в своих решениях она полагалась на мнение экспертной организации, напоминающей Американский национальный научный фонд. Теперь длинная рука централизации дотянулась и сюда: для контроля над наукой учреждено отдельное государственное ведомство – Национальная служба инноваций. Академия и прочие научные учреждения могут пытаться высказать свое мнение перед принятием окончательного решения, однако времена децентрализованного, профессионального, цивилизованного подхода к распределению финансирования в сфере науки давно в прошлом – неограниченной властью обладает председатель Службы инноваций. И кто же занял этот высокий пост? Не кто иной, как министр образования из первого орбановского правительства.

Переходя к образованию: смена режима обусловила возникновение настоящего рынка учебников. Авторы и издатели учебников конкурировали друг с другом; решение о том, какими учебниками пользоваться, принимали школы или сами учителя. Теперь конкуренция устранена и в этой сфере: для издания школьных учебников создано гигантское государственное издательство, фактически монополизировавшее рынок. Какие же идеи пытается продвигать эта неустанно централизующаяся, национализирующая и стандартизирующая государственная машина? Здесь тоже чувствуется возврат к прошлому – только не к предыдущему режиму с его марксистско-ленинской идеологией, а к более раннему прошлому. Все более ощутимым становится возврат к официальным идеям довоенной Венгрии, хортистское прошлое возрождается в самых разных формах. Для его описания недостаточно таких кратких характеристик, как национализм, шовинизм, ущемление прав этнических и религиозных меньшинств или консервативное понимание семьи, потому что идеи эти могут иметь самые разные оттенки. Официальные лица избегают открытых экстремистских заявлений, которые могли бы оскорбить цивилизованный мир; скорее, речь идет о скрытых намеках и косвенных отсылках. Однако в этой приглушенной музыке нетрудно расслышать мерную поступь кованых железом сапог. Людям моего поколения этот звук кажется очень знакомым и весьма устрашающим.

ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО

Какое будущее ждет Венгрию? Особого внимания здесь заслуживает одна из теорий демократии. Она не пытается разобраться, насколько точно та или иная форма правления выражает «волю народа» или как минимум волю

большинства. Эта теория рассматривает демократию прежде всего как *процедуру*. Из нескольких важнейших ее характеристик выделю одну: демократическая процедура дает возможность сменить правительство не посредством убийства тирана, не с помощью заговора, военного переворота или кровавого народного восстания, а мирным, цивилизованным путем – посредством выборов, в которых участвуют несколько конкурирующих партий и условия проведения которых четко определены законом. Возможность смены правительства не является достаточным условием для выживания демократии, однако это условие необходимое.

На то, чтобы понять, удовлетворяет ли венгерская ситуация этому минимальному условию, уйдет некоторое время. Швеции потребовалось сорок лет, чтобы сменить правительство социал-демократов на выборах 1976 года. В Британии консервативная партия оставалась у власти восемнадцать лет, с 1979 до 1997 года, когда к власти пришло правительство лейбористов. В обоих случаях прежнее правительство уступило место победителю конкурентных выборов, проводившихся по четко определенным правилам в соответствии с демократической процедурой, в рамках которой шанс на победу имелся у всех без исключения партий. Ответ на вопрос о том, удовлетворяет ли Венгрия этому минимальному условию демократии, дадут будущие истории.

Перспективы, однако, мрачные. Виктор Орбан и его партия прочно «зацементировались» во власти – именно так звучит буквальный перевод выражения, уже ставшего в Венгрии идиомой. Непрестанные изменения избирательного законодательства были нацелены на то, чтобы обеспечить победу Фидес – вернее, чтобы сделать эту победу практически неизбежной.

Фидес готов к тому, что на следующих выборах он потеряет большинство в парламенте, – каким бы невероятным ни казалось это событие, оно не является невозможным. 32 «краеугольных закона» можно изменить лишь двумя третями голосов, и даже в случае поражения Фидес на выборах это большинство будет невозможно без его участия⁷. Срок полномочий чиновников, занимающих ключевые государственные позиции – в частности, генерального прокурора, президента республики, главы Центрального банка, главы счетной палаты и главы судебной комиссии, – к концу нынешнего парламентского цикла еще не истечет; эти люди останутся на

7) Сразу после вступления в должность Орбан заявил в интервью: «Я расширю круг законов, требующих для своего принятия двух третей голосов только в одном вопросе – в вопросе экономического законодательства. Не буду скрывать, что в этом отношении мне хочется связать руки следующему правительству. И не одному только следующему, а еще десяти правительствам, которые придут за ним».

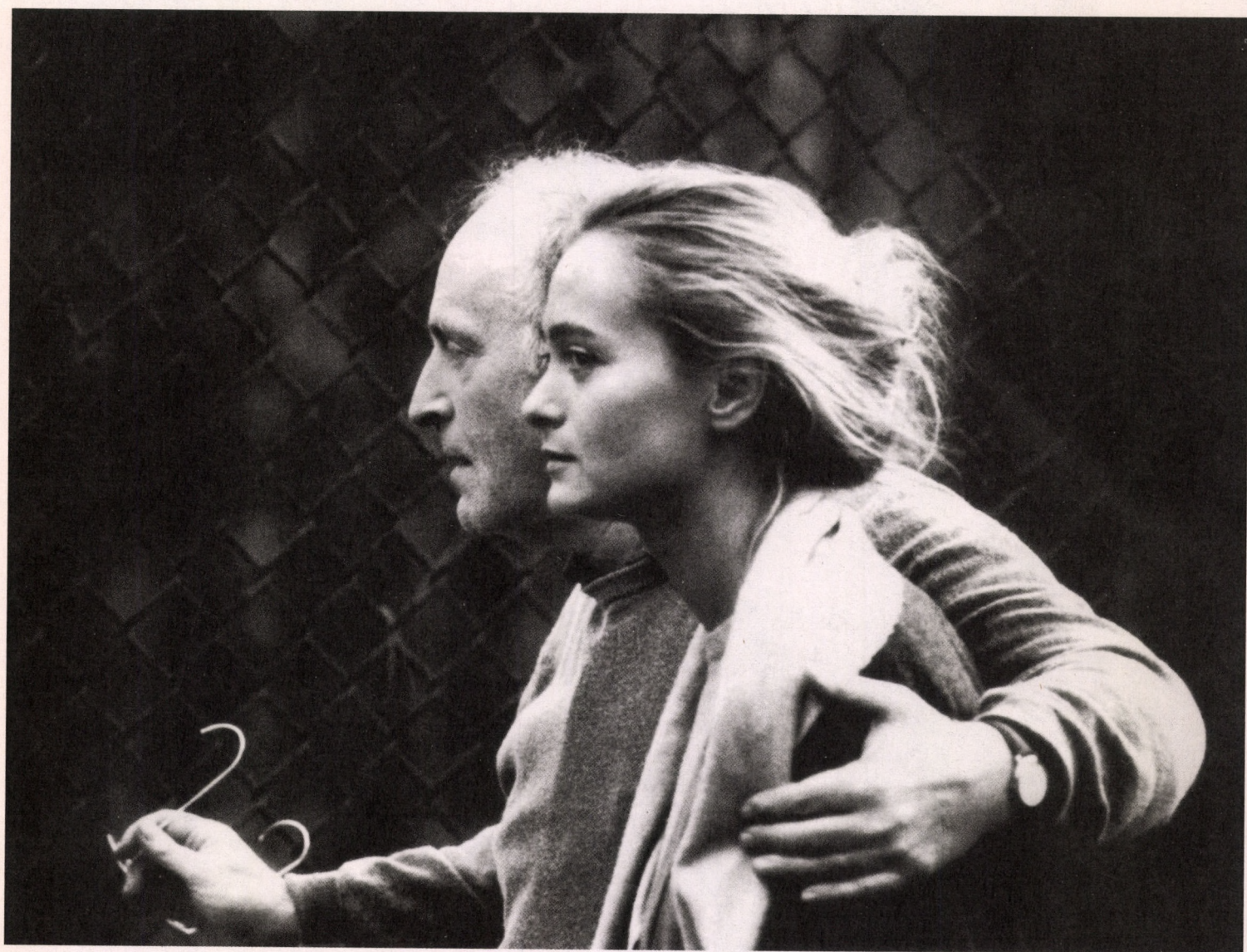
своих местах даже в случае победы оппозиции. Бюджетный совет – орган, назначенный нынешним правительством, – сохранит свои полномочия, даже если Фидес проиграет следующие выборы, а ведь он выполняет не только консультативные функции, но и обладает правом вето при рассмотрении бюджета, который будет разработан следующим правительством. Если это право вето будет использовано, президент республики сможет распустить парламент и объявить новые выборы. Другими словами, горстка специально подобранных людей, преданных нынешнему правительству, будет иметь возможность сместить следующее.

Все это приводит к заключению, что сменить власть путем выборов будет, скорее всего, чрезвычайно сложно. В этом смысле сложившаяся ситуация является практически необратимой. Как свидетельствует исторический опыт, автократии рушатся исключительно в катастрофических ситуациях, сотрясающих самые основы установившейся системы.

Но возможен и другой сценарий будущего. Великие исторические события не предсказать на основе математической вероятности; любое сочетание реальных обстоятельств уникально и неповторимо. Ситуация может значительно осложниться по сравнению с сегодняшней. В ответ на растущие протестные настроения нынешняя фидесовская автократия может начать закручивать гайки, пойдя по пути турецкого правительства. Возможна и другая последовательность событий. Крайне правая партия Йоббик уже и теперь представляет собой значительную силу; в нескольких городах мэрами были избраны именно ее представители. Они свободно высказываются не только в парламенте, но и на улице. Что произойдет, если на будущих выборах Фидес не удастся получить большинства? Будут ли они готовы вступить в коалицию с крайне правыми? Исторический прецедент имеется: в последние годы Веймарской республики умеренно правая консервативная партия образовала коалицию с партией Гитлера; вместе они составили парламентское большинство.

В то же время нельзя исключать и благоприятного развития событий. Что если верх в правящей партии возьмут умеренно настроенные группы, готовые прекратить движение в пропасть и вернуться к принципам демократии и верховенства права? Что если оппозиции, партиям и гражданским движениям удастся объединиться? Что если возникнут новые политические группировки и движения, способные повести за собой миллионы? Что если демократическим силам, поражение которых практически гарантировано существующей избирательной системой, все-таки удастся взять верх?

Не будем терять надежду. (R)

Бродский с женой Марией. Уайт Оук Плантейшн, Юли, Флорида, 1991. Фото Михаила Барышникова

